б 87(5К)
Е83

Академик Ғарифолла Есімнің
кітапханасы

ГАРИФОЛЛА ЕСИМ

ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ ОБ АБАЕ

АЛМАТЫ 2006

б 87(5К)
Е83
ППС

Академик Ғарифолла Есімнің кітапханасы

Гарифолла Есим

ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ ОБ АБАЕ

б 87(5К) 554707
Е83 Есим Г.
Философский трактат об Абае
2006 225.00

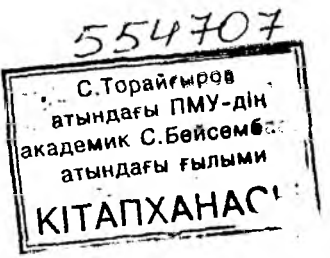
554707

С. БЕЙСЕМБАЕВ АТЫНДАҒЫ
ҒЫЛЫМИ КІТАПХАНАНЫҢ БАҚЫЛАУ ДАНАСЫ
КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ.С.БЕЙСЕМБАЕВА

Алматы
«Қазақ университеті»
2006

б 87.3 (5Каз)

ББК 87.3я7
Е 78



Есим Гарифолла

Е 78 Философский трактат об Абае. - Алматы: "Қазақ университеті". - 76 с.
ISBN 9965-30-039-9

Книга является оригинальным изданием, содержащим анализ философских воззрений великого мыслителя Абая Кунанбаева.

Адресована широкому кругу читателей.

Е $\frac{\text{0301020000-060}}{\text{460(05)-06}}$ ББК 87.3я7

ISBN 9965-30-039-9

© Есим Гарифолла, 2006.

Абай занимает особое место в истории культуры казахского народа. Он, вобрав в себя накопленное до него духовное наследие, создал новое направление в национальной культуре. Одним из первых, кто указал на эту реформаторскую природу изысканий Абая, был писатель Мухтар Омарханович Ауэзов.

Ему принадлежит гениальное определение: "Путь к цивилизации для казахского народа – это Путь Абая". Чтобы доказать справедливость своей идеи, Ауэзов осуществил колоссальный по сложности труд – создал художественный образ поэта-реформатора в четырехтомном романе "Путь Абая". Но Мухтар Ауэзов был не только писателем, но и ученым. Из-под его пера вышла первая научная монография о жизни и творчестве Абая, кроме того, он при жизни вел авторский курс по абаеведению, читал лекции студентам в нынешнем Казахском национальном университете имени аль-Фараби. Мухтар Ауэзов написал полную биографию Абая, что *является для нас бесценным наследием*

культуры. Но все его работы были созданы в годы советского тоталитарного режима, и потому природа Абая как мыслителя не могла быть изучена и раскрыта в истинной своей сущности. В исследованиях того периода утвердилось мнение об Абае как о просветителе, его "Слово о словах", наполненное философскими раздумьями, было названо "Словами назидания". Выше этого определения не могла подняться в те годы официальная идеология.

Еще в начале XX века Ахмет Байтурсынов, давая оценку Абаю, называл его главным казахским поэтом, Магжан Жумабаев определил его хакимом (в стихотворении "Алтын хакім Абайға"). Но вскоре и Ахмет Байтурсынов, и Магжан Жумабаев были объявлены врагами народа, и традиция свободного объективного мышления, зародившаяся в начале XX века, была насильственно прервана большевиками.

Возможность назвать Абая мыслителем, определить истинное его место в истории духовной жизни казахов появилась лишь в эпоху демократических преобразований, с обретением независимости.

Пришла пора, когда народ сам определял значимость тех или иных ценностей, объективно оценивал наследие прошлых веков.

* * *

Термин "философия" Абай, как известно, не вводил в свой лексикон, считая его термином христианского мировоззрения. Духовную подпитку он получал из истоков философского родника Платона, Сократа, Аристотеля, которых считал своими учителями, так как в их время не было еще ни христианства, ни ислама. Религия в те времена не оформилась ни идеологически, ни политически. Религия была тогда не только синонимом познания, она была по сути, ею самою. Религиоведение имело универсальные формы во времена первых философов человечества, и именно этот аспект привлекал Абая в трудах Платона, Сократа, Аристотеля. В основе фундамента западноевропейской философии, культуры лежит христианство. Советская идеология и философия марксизма-ленинизма сформировали тезис о том, что западная культура свободна от религиозных традиций. Но правда была в другом. "На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX века единственным обладателем автономного философского мышления в России – Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение, и из этой констанции родилась его философская мысль, мысль автономная и метафизическая, - писал об этом М.К.Мамардашвили и продолжал, - потому что в европейской культуре это вещь

фундаментальная. Классическую европейскую культуру, т.е. что складывается к началу XVII века на гребне возрожденческого подъема, можно определить как культуру христианскую" ("Вопросы философии". N5, 1992. С.111).

Культура Западной Европы, беря свое начало от зародившихся традиций христианства XVII века, оставалась верна им вплоть до XIX века, развивая все новые и новые формы в этом направлении.

Именно поэтому Абай, изучая труды европейских мыслителей, не принял их мировоззрения. Не воспринял он должным образом и господствовавшие в те времена идеи просветительства. В казахской степи просветительство развивалось бок о бок с миссионерством. Не выходя за пределы традиционного культурного миропонимания, Абай определил направление национальной идеи. Он вывел формы национального сознания на качественно иной уровень. Подобно Чаадаеву, Абай стал обладателем автономного философского мышления, воспринимая философию как метафизику. В качестве аргумента я могу привести определение Абаем понятия "хаким", которое понимается как раскрывающий причину происходящих событий, объясняющий их суть.

Причинность в системе миропонимания Абая – основная категория. Он убежден, что все происходящее, каждое в отдельности, имеет в себе причину. Хаким – тот, кто раскрывает причину бытия. Но и ученый вскрывает ее. Именно поэтому Абай формирует основные характеристики хакима и ученого, указывая на их схожесть и в то же время отмечая их особенности.

В тридцать восьмом слове Абай говорит, что каждый хаким – ученый, но не каждый ученый – хаким. Выходит, с одной стороны, хаким – ученый, но с другой стороны, он выше его. Тогда кто же он, хаким? У Абая нет на этот вопрос прямого ответа. Он лишь убеждает нас в том, чтобы хакимом называли ищущего первопричину события, явления. Это не полный ответ, ибо и ученые не только исследуют первопричину явления, но и, углубляясь в его детерминантную основу, устанавливают закономерности бытия.

Сказав только о направлении изысканий хакимов, Абай оставил открытым вопрос о том, в чем же состоит преимущество хакимов перед учеными. Кроме того, он составил список хакимов: Сократ, Платон, Аристотель.

Абай тверд в своем убеждении: они истинные хакимы. И тут приходит в голову такая мысль: многим известен труд Аристотеля "Метафизика". В ней автор дает следующее определение метафизики: "Составитель корпуса аристотелевских сочинений (Андроник Родосский или, возможно, более ранний перипатетик) поместил данный труд после произведений, посвященных исследованию природы, что и определило его название – ta meta ta physica (то, что после физики)" (Аристотель. Т.1. М., 1976. С. 451-452).

Здесь нам представляется важным выделить то, что метафизика как отрасль науки стоит за физикой. Традиция изучения метафизики после исследовательских работ по физике была заложена перипатетиками (См. там же. С.451). Ни одна отрасль науки не может существовать без физических законов, самостоятельно. Не говоря о других отраслях, сама биология мне кажется одной из направлений физики. Именно вследствие этого Аристотель, ведя разговор о физике, сказал, что следующая отрасль науки, которую надо рассматривать вслед за физикой, - это метафизика (выражаясь по-современному - философия). Наука, находящаяся вне пределов физики – философия, но она в обязательном порядке стоит за физикой. Таким образом, не все физики хакимы, но физиков, достигших этого уровня, я могу назвать – это Исаак Ньютон, Альберт Эйнштейн и др. Думаю, что расшифровка известного высказывания Абая "Каждый хаким – ученый, но не каждый ученый может быть назван хакимом" – именно здесь.

Конечно же, сейчас, несмотря на то, что внутри каждой науки идет процесс дифференциации, интеграцию философии с любой наукой невозможно остановить. Мне представляется, что данный процесс в будущем обретет большую силу.

В годы Советской власти эта закономерность была нами идеологизирована (особенно философами марксистского толка), что было

ошибкой. Мы стали поучать представителей фундаментальных, естественных наук, направлять их исследования в единое русло, что было методологически неверно. Особенный размах такое направление получило после анализа и толкования труда Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Философы стали пастырями физиков. Переход науки к философии неизбежен по своей природе. Наука сама придет к философии. Но здесь есть один вопрос, не учитываемый в прежние годы, – это религия.

Понимание сути философии без религии, толкование ее в чистом виде не принесло должных результатов, ожидаемого эффекта.

Философия без религии - материализм. Бесспорно, наука опирается на материализм, что закономерно. И это должно было быть на прежнем уровне наук, когда они ограничивали себя предметно. Коль скоро наука начинает подниматься выше, до уровня хакимов, она естественным образом выходит за рамки материализма.

И в этот момент философия неизбежно начнет соприкасаться с религией, обнаруживая общие точки, ибо вопросы начала мироздания, проблема первопричины, понятия времени – это объекты исследования и религии, и философии.

Заметим к слову, что и философия как наука ограничена определенными измерениями. А выше сама природная сущность философа как ученого переходит в разряд хакима. Вот так понимал Абай это явление.

* * *

В истории казахской духовной мысли Абай был, так же как и Чаадаев в истории русской культуры, мыслителем в метафизическом смысле, но не просветителем. Мы называли его просветителем, вследствие незнания истинной сущности мыслителя, во-первых, а во-вторых, это был политический метод исследования творчества Абая, который был порожден идеологической потребностью советской эпохи.

Абай был мыслителем своего времени и, подобно Аристотелю, пытался ответить на вопрос о причинах возникновения мироздания.

Главную причину этого явления Абай объяснил посредством понятия "любовь" (махаббат). Любовь – это сила творца, его свет, первопричина мироздания. Если говорить на языке современной науки, любовь есть закономерность всего сущего и, кроме того, независимо от человечества онтологическая закономерность или то, на чем держится свет. В этом смысле любовь (махаббат) – начало истории человечества. Любовь несла в себе и до появления человечества истину в своей сути, но она не была особо выделена. Человечество же было определено как возможность, ибо человек как идея существовал до человечества. Человек – это идея истины, а человечество – это воплощение ее. Человечество – это реальность, ибо оно представляет синтез идеи и истины, и именно поэтому человечество пре-

выше и ангелов, и демонов. Ангел и демон не могут обрести ясные контуры и очертания, они всегда в какой-то дымке, ибо они суть не полная реальность, их определяет лишь реальность идеи, и происходит это потому, что любовь не поставила человека только как реальность идеи, она дала ему физическую основу, что явилось главным доказательством реальности его бытия. Человек - венец создания Вселенной творца, которой необходима определенность и ясность.

Появилось понятие "зеркало". Человек – зеркало вещи, воплощение его мечты. Зеркало – это феномен, объясняемый посредством реальности идеи. Человек – порождение любви, и поэтому для него начался период заглядывания в зеркало. Зеркало – это сила творца, его могущество, это целый мир, через который человек начал осознавать себя, узнавать. Более того, с истечением времени он попытался исправлять не свои недостатки, свой облик, а в гордыне своей замахнулся на то, чтобы переделать зеркало, показывающее его слабые стороны. Это было проявление черт, порождающих в человеке сомнение в силу творца.

Сомнение – основа познания и главный принцип мышления. Таким образом, в природе человечества, порожденного любовью творца, зародилось сомнение.

Человек начал винить творца в своих недостатках. Но проблема была в другом. Творец передал свое могущество человеку как тайну,

но он считал, что человек должен замечать в себе больше того, что он видит в зеркале. Таким образом, проявление форм могущества творца заключается в воле самого человека. Но, как сказал Яссауи, именно эта свобода как выражение могущества творца представляет главную опасность для человека. Если человек не управляет своей волей, она может стать разрушительной силой, могущей уничтожить человечество. Именно поэтому Абай считал, что долг каждого человека – любить творца, преклоняться перед ним, совершать благородные деяния, достойные его могущества, ибо каждый человек создан по воле Божьей и его любовью. Подобным образом определив философию долга в духовном мире казахов, Абай продолжает выстраивать ее дальше, более полно. Выяснив, что человечество создано любовью творца, хаким Абай говорит о том, что человек должен любить братской любовью всех людей (Т.1. С.112).

Солнце, луна, земля – общие для всего человечества, к тому же все создано любовью создателя, значит, и любовь объединяет всех. Людей разделяют границы, соответственно им - особенности уклада, способы производства, традиции и обряды, языки, религии, короче говоря, исторически сложившееся мировосприятие. Но, несмотря на эти различия, Абай не делил человечество на расы, религии, политические формации, говорил о том, что нужно любить всех людей как братьев. Этот тезис

характеризует Абая как ренессансную личность, возводит его на вершину духовной мысли Возрождения.

Именно поэтому такие личности, как Абай, не просто мыслители с узконациональным мышлением, это фигуры Ренессанса, выходящие за пределы сознания не только своей нации, высокие мысли и идеи которых всегда являются реформаторскими, вселенскими. Мы называем Абая ренессансной личностью именно в этом аспекте. Ренессанс – это время рождения новой мировой идеи. Любить человечество как собратьев – эту идею Абай продолжает углублять, утверждать и дальше. Со стороны может показаться, что идея любить все человечество – чистая абстракция. Как можно в самом деле любить всех, - у каждого свои черты и качества, которые могут нравиться и не нравиться. У каждого народа своя политика, идеология. За всю историю человечества сколько прошло конфликтов, войн, вражды. Человек стал бояться не хищных зверей, а своего собрата, человека. Мир вражды, козней, жестокостей отнюдь не располагает к всеобщей любви. Абай показал нам выход из этой тупиковой ситуации – путь Божий, путь праведности. Если ты выбрал праведность своим ориентиром в жизни, тогда ты осознал философию братской любви, философию милосердия. Таким образом, проблема заключается в том, что Абай называет истинной справедливостью, праведной дорогой. Праведность – это творец, Аллах. Выходит,

праведен тот, кто избрал путь Божий. И именно это является началом проблемы.

Дело в том, что праведность Абай рассматривает с точки зрения ислама, понятно, что приверженцы других религий рассматривают этот вопрос со своей точки зрения.

Ясно одно: праведность - это путь Божий, и все религии определяют свой путь к нему. Абай затрагивает очень важную проблему: возможно ли без идеи творца вступить на путь праведный. И формулирует концептуальные основы решения этой проблемы. Назовем это гипотезой мыслителя.

Я думаю, что Абай выразил наиболее полно свое отношение к этой проблеме в стихотворении "Истинно и слово Аллаха и истинен он сам". Язык поэзии – не язык аргументов, он формирует лишь идею. Для доказательства же используется язык науки. В истории человечества великое множество теорий, утопий, высказываний о праведности. И кажется, оно даже немного подустало говорить на эту тему. Сколько было лозунгов об этой пресловутой праведности в каждую эпоху, при каждом общественном строе. Только вчера мы наперебой уверяли друг друга в том, что социалистический строй – самый справедливый строй. И что в итоге? Чего мы добились? Обманулись сами, обманули других, и разочарование было тяжелым. Отчего и по каким причинам? Сегодня много об этом говорят, и соответственно есть много взглядов и точек зрения на

этот вопрос. Почему праведности не было места в социалистическом обществе, – спросите вы? Я вам отвечу так: произошло это потому, что мы под праведностью разумели другое, понимали не по Абаю. Коммунисты рассматривали идею праведности вне религии. "Религия – опиум для народов", - говорили они. Идея праведности не может быть рассмотрена отдельно от религии, не может существовать праведность без Творца. В понимании Абая праведность без Творца не существует, он четко формулирует мысль: путь праведности – Божий путь. Но можем ли мы воспринять эту идею? Вообще говоря, что означает само понятие праведности? Можно ли считать, что приход каждого из нас в этот мир - проявление праведности? Может быть, мы пришли в этот мир не по своей воле, насильно, по желанию другого? А если бы мы были волны сами решать свое рождение, что было бы?

Если вспомнить Шакарима, который говорил, что у каждого посетившего этот мир есть своя цель и задача, то тогда выходит, все человечество озадачено? И выбор каждого из нас зависит от нас самих? На эти вопросы есть множество ответов, но нет точных, весомых, полных аргументов. С древних времен в теологии и философии стремятся отыскать их, и иногда пытаются выдавать свои находки за открытия в виде догм и установок, заставляя безоговорочно поверить в них. Но я не могу признать таковые методы правильными.

Эти вопросы будут вставать перед кажд временем и каждым поколением, каждое вре будет давать на них свои ответы, находить св доводы и аргументы. Это неизбежно. Прав ность проявляется в конкретных обстояте ствах, все общие разговоры об этом бесполез и не имеют смысла. Абай рассматрив праведность как субстанцию. Определен Абаем праведности как Божьего пути – пр цип, а вот как в реальной жизни найти ему шение – это проблема.

Итак, Абай говорит о трех разновидно любви. Первая - любовь человечества к твор породившему людей любовью; эту любовь называем философией долга. Любить всех братьев – философией милосердия. Люби праведность как олицетворение Божьего п - это мы называем философией праведнос Все эти три философии порождены любов (любовь – начало всех трех течений). Люб – в прагматическом смысле этого слова привилегия человека, сама любовь же сущест вала до появления человечества как возможно истины. В природе человека *любовь* – это прекращающийся, пока жив человек, источн силы от Творца, пища для души. Без люб нет праведности. Праведность – путь Бож путь этот начинается с благого намере человечества, которое определяется как щедр души (жомарттык). *Щедрость* – это особое ч веческое качество. Это качество есть в каж из нас, но в силу многих обстоятельств

может не проявиться, как горный ключ, из которого никогда не вырвется вода, пока его не расчистишь. Вот почему на земле не переводятся пока насильники, грабители, звери в людском обличье. Об этом много споров и разных толкований. Но мне бы хотелось вернуться к нашей конкретной проблеме. Это наши благие намерения на пути к праведности. Абай говорит о трех проявлениях щедрости души – правде, чистоте порыва и разумности. Хаким Абай выдвигает следующий постулат: праведность возможна лишь в мире правды, благородство намерений вызывает благородные порывы, из разумности проистекает величие мудрости (См. Абай. Т.2. Стихотворения и переводы. Поэмы. Слова о словах. Алматы: Жазушы, 1995, 199-б.).

Таким образом, Абай в понятие щедрости вкладывает три вещи: *правду, чистоту намерений, ум,* и далее их этих трех категорий вытекают следующие три: из правды – *праведность,* из чистоты намерений – *чистота порывов,* из разумности – *величие мудрости.* Вот так раскрывает Абай содержание щедрости. В понимании Абая основа праведности – правда, тогда в чем же ее суть? Правда – это то, что существует как реальность. Для того, чтобы была правда, необходимо существовать. Существование – основа правды. А в правде, которая есть, существует и праведность, поскольку реальность существует по определенным законам, установленным порядкам, по утвержденному обычаю,

С.Торайғыров
атындағы ПМУ-дің
академик С.Бейсембае

да и сама праведность – это порожденная порядком и потребностью реальность.

Истинное проявление бытия начинается с понятия праведности. Если реальность не становится правдой, то искать праведности не приходится. Выходит, праведность связана с проявлением могущества творца. Для неверующих это можно объяснить закономерностью, заложенной в природе. Вообще же говоря, *праведность* – основной признак мироздания. Если эту проблему связать конкретно с сутью человека, то в самом проявлении человека, его рождении заложен принцип праведности. Рождение человека, его приход в мир – это праведность, истинная правда. Иными словами, суть правды – праведность. Значит, праведность начинается с рождения человека. Каждый приходит в этот мир как состоявшаяся реальность, выражение праведности, но это еще не проявление щедрости в полном смысле этого слова, а только ее слабое отражение.

Следующий признак щедрости – чистота намерений, благонравие. Рожденный человек должен быть чист душой, но как раз здесь и начинаются для него проблемы. Появившись на свет как реальность, человек может и не обладать щедростью души, благонравием. Образно говоря, Чингисхан и Тимур появились на свет, зажав в кулачках по сгустку крови. Откуда же здесь чистота помыслов. И тогда выходит, что *чистота помыслов* – удел не многих, наделенных особой милостью Божьей,

вот почему и Абай говорит, что от чистоты помыслов исходит и чистота порывов. Чтобы прояснить эту мысль, сформулируем определение чистоты помыслов (ақ пейілділік). *Помыслы* – это внутренняя философия человека, сознание, которое не всегда высвечивается внешне. Они как бы ждут своего часа, своей востребованности. Когда же этот час настает, то сразу проявляется и содержание помысла. Если человек делает благие поступки, то значит его ведут чистые помыслы (ақ пейіл), если же, напротив, совершаются неблаговидные дела, значит человеком владеют черные помыслы (қара пейіл).

Чистые помыслы рождают добрые намерения, вызывая благие дела, а вот нечистые помыслы несут в мир зло и несчастье. Но почему в человеке соседствуют и то, и другое? С чем это связано? У Абая на этот вопрос нет прямого ответа. Благие дела – измерение чистых помыслов. Человек чистых помыслов полон решимости совершать благие дела во имя интересов других людей. Окружающие следуют его примеру, это, по Абаю, вторая черта щедрости души. К праведности присоединяется *благонравие* (шапағат), и они неразделимы. Мы же, чтобы дойти до сути, понять природу подобных вещей, рассматриваем их отдельно. *Благонамеренность* – понятие общее для всех людей, она не касается отдельно одного человека, это понятие, которое характеризует праведные взаимоотношения членов общества.

Третье проявление щедрости души – говорит Абай – разумность – и далее поясняет: *Разумность* – одно из имен науки (Там же. С.199.).

Читающий далее с пристрастием текст Абая узнает о том, что у разумности есть как бы ступени, ведущие вверх по мере созревания. Щедрый человек – это не только разумный человек, но и человек, вступивший на ступень мудрости. В понимании Абая мудрость – проявление зрелости ума. Два проявления щедрости: праведность и благонамеренность освещают разумность, ведя его к мудрости.

В истории есть много рассказов о мудрости. В исследовании жизни и судьбы мудреца всегда есть место ошибкам и недомолвкам.

И поэтому может быть, список мудрецов постоянно меняется. Абай в этом случае определяет конкретные критерии, которые могут быть предъявлены к мудрецам. Два качества Абай считает главными: мудрец должен быть справедлив и милосерден. У Аристотеля есть такое пояснение: "Мудрость есть наука об определенных причинах и началах" (Аристотель. Сочинения. Т.1. М., 1976. С.67).

Это замечание Аристотеля в основном верно, но оно неполное. Если добавить к нему определение Сократом философии как знание о добродетели и формулировку Абая о том, что мудрость состоит из праведности и милосердия, в этом случае, на наш взгляд, представление о мудрости будет полным.

Итак, щедрый человек должен иметь три

качества: праведность, милосердие и мудрость. На вопрос, как называть таких людей, Абай дает четкий ответ. Первые обладатели вышеуказанных качеств – пророки, следом за ними – святые, за святыми - хакимы и самые последние – добропорядочные люди.

Абай дает точную типологию щедрости. К первому типу следует отнести самых щедрых – пророков, что бесспорно. Они справедливы, милосердны, мудры, но надо опасаться лжепророков, которые могут бросить тень на истинных пророков.

Ожиданием мессии характеризуется любое время. Толкователи ислама утверждают, что последним мессией был Мухаммед. Султан-махмут Торайгыров еще в начале социалистической эпохи, в период смуты и волнений вопрошал: "Кто есть Иисус?"

В понимании поэта время требовало пророка праведного, милосердного и мудрого. В те времена одни утверждали, что пророк, которого ждет поэт, – Маркс, по мнению других, таковым был Ленин. Но на самом деле Торайгыров не имел в виду конкретного человека, его идея заключалась в томительном ожидании мессии.

Мухаммеда мы называем расулом – наследником Божьим, и эта функциональная обязанность не только Мухаммеда, но и всех бывших на земле пророков. Иначе говоря, суть этой проблемы (особенно это проявляется в мусульманской культуре) заключается в том, что,

поскольку прямой связи между человеком
творцом нет, более того, человек не имеет во
можности понять и осознать его, между ним
возникает фигура посредника, то есть пророк

Мусульманин говорит: "Аллах един,
Мухаммед пророк его". В Коране упоминают
кроме Мухаммеда другие пророки. Из н
особенно выделяются Моисей, Давид, Ис
Христос.

Сюжетов о них много, нам же интересн
рассказы о их благих делах. Конечно, прор
чист в помыслах, всеблаг. Пророком не мож
быть обычный, рядовой человек. Мессианст
требует особых качеств, он весь окутан тайн
бытия. Макс Вебер, например, отмечал у пр
роков наличие харизмы (Вебер М. Избранно
Образ общества. М., 1994. С.112).

Пророк меняет сознание времени, эпох
кроме того, некоторые из них были прав
телями (как Мухаммед – халиф). Быть шедры
находясь на посту правителя, – дело оче
непростое, трудно осуществимое. Но надо учест
что хоть пророк и говорил от лица создател
но возможности его были ограничены – е
деятельность распространялась в пределах одн
религии. Сколько в мире религий, столько
пророков.

Потому-то в истории культуры распростр
нена традиция пророчеств. Например, у Аб
есть мысли, выраженные в этой традиц
Меняются эпохи, города, характеры и лица,
вместе с ними сменяются наби, пророки Н

– это, по Абаю, пророки. Заметим, что любое изменение отражается в словах пророков, причем слово предыдущего может изменить, переиначить следующий пророк. И следующее слово уже принадлежит новому мессие.

Неизменен лишь Аллах, а вот пророчество мессии, которому дано донести слово Аллаха до народа, изменчиво. Таким образом, понятие благого дела наполняется в разные времена иным содержанием. Вечных установок и принципов нет. О пророчестве писал и Магжан Жумабаев, взяв эпиграфом строки Мережковского.

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи
Ждем, не придет ли наш Пророк.

Известно, что Родина пророков – Восток, поэтому Запад с надеждой устремляет взоры к восходу солнца.

Поэтический образ, созданный Магжаном, – сын Солнца - напоминает мне тему цикла стихов Гете "Западновосточный диван".

Как солнце – Гелиос Эллады –
Летит, Вселенной свет неся,
И мечет огненные взгляды,
Да покорится все и вся ...

... Не так ли жребий непреклонный
Твоей любви поставил срок.

И что мне в той квадриге тронной,
Хоть сам я стал бы Солнца бог.

Пророк в понимании Гете – это тот, кому подвластна тайна бытия, он выше обыденной жизни. Приведем в доказательство следующие его строки.

Пророк говорит:
Тот, кто зол, что волею Аллаха
Был пророк от бурь и бед укрыт,
Пусть к устоям горных сфер без страха
Для себя веревку прикрепит,
Час-другой над бездной повисев,
Он забудет неразумный гнев.

Идея Пророка была в свое время озвучена и Пушкиным в стихотворении "Пророк".

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,

И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей".

Пушкин написал это стихотворение в 1826 году. Он говорит о своем предназначении как поэта, о роли и месте в обществе. Тайну поэтического дара и провидческий дар поэта он сравнивает с пророческим даром. И он имел право на подобное утверждение. В обстоятельствах того времени Россия могла ожидать пророков только от поэзии, только от круга поэтов, что соответствовало действительности. Эту мысль Пушкина продолжил 15 лет спустя Лермонтов.

Исследователи творчества поэта утверждают, что стихотворение "Пророк" для Лермонтова было последним. Приведем полностью стихотворение.

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я вижу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

"Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами;
Глупец хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!"

И вот вам участь пророка. Современники не всегда могут дать объективную оценку пророку. И очень часто, не ограничиваясь едкими шутками, злобными издевательствами, люди забрасывали пророка камнями. Получить признание современников пророкам не всегда

удавалось, в истории это очень редкое явление. А если это случалось, то пророк обладал, как, например, Мухаммед, политической властью.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что идея пророка, мессии встречает у большинства неадекватную реакцию, реакцию противостояния, ибо народ, скорее, готов поверить небылицам, чем согласиться с правдой.

Об этом с горечью размышлял и Абай. "Кто дал Сократу яд, сжег на костре Жанну д'Арк, распял на кресте Иисуса, закопал Мухаммеда в верблюжьи колючки?" Он – это толпа, а у толпы нет разумности. Заблудшую толпу надо направить по правильному пути. Но кто он этот могущий, который справится с большинством? Не пророк ли? Но услышат ли его люди? Лермонтов говорит, что слова пророка не будут восприняты. Взрослые будут указывать на него: "Смотрите, как он наг и беден, как презирают все его!"

Иная форма проявления щедрости – святость. Понятие святого есть во всех религиях. Чтобы прослыть святым, несомненно, надо быть и праведным, и милосердным, и мудрым. Святые и истинные святые были и будут во все времена.

Абай же заводит разговор об истинных святых с известной долей критики. Они (святые – *Г.Е.*) заботились лишь о загробном благе, забыв о радостях жизни, о земной любви (там же. С.199).

Говоря так, Абай не отрицает полностью

святых, он лишь ставит проблему несколько иначе. Что значит реальность, что значит истина?

И сам же отвечает: Сама жизнь есть истина. Иногда мы, гоняясь за призрачной мечтой, превращаем свою жизнь в обман. Но если верно то, что жизнь есть истина, тогда в ней заложена праведность. Пользуйся Божьим даром – живи, принимая его дары с благодарностью, не отворачивайся от удовольствий на земле, не отвергай их. Не каждый может быть святым, этот феномен встречается чрезвычайно редко. Человек должен просто прожить жизнь, предоставив возможность последующим поколениям оценить ее.

Хакимы – следующий тип проявления щедрости. Конечно, и пророки, и святые по своей сути могут быть хакимами. Возможно, оно так и было. Абай называет хакимом особый род людей, вышедших из профессиональных ученых. Это, во-первых. Во-вторых, хакимы могут принадлежать различным конфессиям, но их деятельность направлена на благо всего человечества. Поэтому Абай пишет: "Если бы не хакимы, которые, блуждая в потемках, отыскивают истину, на земле был бы хаос. Их деяния, в основном, связаны с судьбой всей земли, всех людей" (там же. С.200).

Абай особо выделяет тот факт, что хакимы, решая земные проблемы, не отрицали и загробную жизнь. Размышляя о готовности к загробной жизни, они высказали такую мысль: "Земная жизнь – жнива для загробного существования" (там же. С.202).

Теперь остановимся на следующем типе щедрых людей, выделенных Абаем, – добропорядочных. Что случилось бы с миром, если бы каждый второй был мессией, святым или хакимом?

Абай говорит, что жизнь держится на добропорядочных, простых, ничем не приметных гражданах. Вспахивая поле, убирая урожай, всем миром встают на защиту земли, воспитывают детей, бережно хранят традиции, чтут пророка и верят в него, оберегают святых, склоняют головы перед хакимами... Конечно же, это простые люди, без которых невозможно было бы течение жизни. Обладатели истины – они. Недаром бытует поговорка: "Сказанное народом - верно". Есть еще одна форма щедрости, присущая истинным мусульманам, – благородство.

Поразмышляем вместе над двумя понятиями, которые дополняют друг друга, - *Адамның айласы* и *кісілік "благородство"*. Первое понятие было известно и до Абая, оно в ходу с давних пор. "Ты мне – я тебе" – этот принцип действует, и причем активно, среди смертных, и в сущности вся их жизнь – это круговорот бесчисленных сделок и соглашений, умение найти ходы и выходы из, казалось бы, безнадежных ситуаций.

В таких случаях казахи обычно говорят: "Ключ к нему – на небесах". Смысл всех потуг сводится к одному: во что бы то ни стало найти

подход к человеку, от которого зависит твоя судьба, и тут, как говорится, все средства хороши – и прогнуть спину во время, и подхалимничать, стелиться шелковой травой, ни спать, ни есть, быть готовым на все, лишь бы все обошлось, лишь бы этот человек повернулся к тебе лицом, лишь бы заполучить желаемое. Без этого он не мыслит своей жизни, и свет ему не мил. И, закатав рукава и подобрав полы, спешит успеть любой ценой найти подход, обойти всех, добиться желаемого.

И на что только способен человек во имя удовлетворения своих амбиций? Ты понимаешь, что судьба – дар Бога, а возможность использовать этот дар – в твоих руках. Ты больше думаешь о том, как угодить нужному человеку, забывая о своем долге перед Творцом. И тогда есть опасность, что в твоей душе не останется места для благородства.

Благородство – это чувство собственного достоинства, самоуважение личности. Человек, лишенный этих качеств, – несчастное, убогое существо, и вряд ли он когда-нибудь вернется к самому себе. Абай ставит проблему именно так, а не иначе. В суете сует, за житейскими хлопотами важно уберечь себя от подобных потерь.

Человек с чувством собственного достоинства – добропорядочный человек, и по Абаю, он истинный мусульманин. Казахи говорят: *у того-то де нет благородства, разве он человек?*

В таком случае это понятие должно занять

свое место в современном лексиконе именно в том смысле, который закладывал в него Абай. Мы не должны абсолютно отрицательно воспринимать принцип "ты мне – я тебе". Найти подход человеку, ключ к взаимопониманию – это большая проблема. Значение его в прагматическом аспекте велико. Зрелый умный человек не забывает об этом никогда. И рай на земле, и ад в быту обещают тебе эти слова. Они же являются предметом исследования многих наук: дипломатии, этики, педагогики, психологии, юриспруденции и т.д. Абай предупреждает: даже если ты занят чрезвычайно важным делом, не забывай о благородстве.

Творец дал смертному сознание и волю, но не определил их границ. Высокоорганизованному и свободному человеку чего только не придет в голову, чего только он не сделает. Отслеживает ухищрения человека – тоже человек. Само это отслеживание – тоже подход. Но какой из подходов человека правильный, какой ошибочный – необходимость оценки порождает появление еще одного подхода.

Как же выйти из этого тупика, из этих бесконечных взаимоотношений и взаимозависимостей? Если бы проблема не была столь актуальна и остра, вряд ли такой мыслитель, как Абай, останавливался бы на ней.

Решая свои дела, определись с подходом к человеку, от которого зависит твоя судьба, но не забывай о благородстве, и это главное.

В понимании Абая (кісілік) благородство и

(адамшылық) человечность неоднозначны. В просторечии, в житейском разговоре, может быть, мы и пользуемся ими как синонимами. Но на самом деле эти два слова в научной терминологии суть разные. Они выполняют качественно разные функции. О благородстве нами было сказано выше, рассмотрим теперь понятие "человечность". Человечность – это представление о человеческих качествах. Человека от другого существа, не-человека, отличает целый реестр потребностей. Человек обладает сознанием. Проявление этого сознания и есть человечность. Форм проявлений довольно много. Есть и другая сторона познания сути человечности – это признание человеком творца. И хотя в различных религиях об этом высказываются по-разному, суть всех рассуждений сводится к одному: отчетность, ответственность человека перед Богом. Если же этого нет, тогда мы сталкиваемся с проявлениями иного порядка. Самое веское доказательство сказанному – принципы коммунистической морали.

Согласно коммунистической морали – уничтожить классового врага – норма морали. Ясно, что подобные установки способствуют духовной деградации, распаду личности, но только не ее становлению. Заповедь любой религии – "не убий". По религиозным верованиям, совершать деяния, направленные против человека, – грех. Жизнь человека – в руках Божьих, его могущество, что выражается словами "рок", "удел", "предначертание".

Таким образом, человечность начинается с осознания своего долга, обязанностей перед Творцом. Человек – раб божий, поэтому главный принцип человечности – признание могущества Творца. Тогда для человека главной ценностью становится человек, ибо из всего созданного Богом самое совершенное и бесценное его творение – человек.

Высказываясь по тому или иному случаю, совершая те или иные поступки, человек часто ошибается, заблуждается, ибо он не слышит слова Божьего, не знает его, не осознает. Когда теряется порядок слов, когда одни слова заменяются другими, человечность отступает, начинает сдавать свои позиции. Код всех слов, которыми пользуется человек, у творца.

Религиозные люди очень осторожно обращаются со словом, может быть поэтому их речи всегда содержательны и значимы. Действительно, у всех слов одно начало, один исток. Человечность – в чистоте слова, в чистоте мысли. Под чистотой мысли мы подразумеваем понимание пределов ее полета. Мысль не должна превышать своих строго очерченных возможностей, не должна брать на себя несвойственные ей функции. В противном случае мысль теряет свою чистоту, что влечет за собой болезнь духа. Мысль могущественна, сильна, но все, что за ее пределами, – во власти Бога, в тайне мироздания.

Каждый должен воспринять это сердцем. Невежество – тень благородства. Абай много

говорил о невежах, невежественности. Н
произвольно задаешься вопросом – что по
разумевал Абай над этими словами?

В поисках ответа обратимся к самому Аба

Рассмотрим по порядку все сказанное и
Во-первых, Абай признается, что в мире мно
невежд, и поэтому жизнь на земле превратила
в ад. Связано ли существование невежд с како
либо закономерностью? В стихотворении "
границе жизни приблизились" Абай говори
что вокруг его множество невежд. Здесь, по
видимому, словосочетание "көп надан" употре
лено в значении "толпа". Конечно, по-другом
это и не назовешь. Толпа изначально - проявл
ние стихийности, неуправляемости. Психологи
толпы мелка, она готова разрушить все, называ
черным белое, белое черным. Это слепая сил
способная смести все на своем пути.
"Восьмистишиях" Абай говорит "Устал я
непослушных невежд". Что он имеет в виду?

Острота проблемы заключается в том, ч
толпа не слышит голоса разумного человек
ибо его слова обращены в сторону созидания,
не разрушения. Толпа не слышит голоса разум
да ей и не нужны подобные слова. Когд
множество невежд образует толпу, начинает
смута. Толпе не нужен покой и порядок, иб
тогда их невежество проявится, как след на сне

В хаосе, беспорядке, волнениях и смут
невежды чувствуют свою безнаказанность, иб
каждый из них может скрыться в толпе. Толп
в своих действиях разрушительна.

Однако тут надо сделать одно замечание. Вы смогли заметить, что Абай о множестве невежд, иначе говоря, толпе, говорит, исходя из своего жизненного опыта. Что же пытается объяснить Абай, что его разочаровывает, от чего он негодует?

Справедлив ли Абай в своем отношении к окружающим его людям? Ведь не все его слова доступны его современникам, может быть, они были недосягаемы для их понимания? Подняться на уровень Абая, видеть все глазами Абая – возможно ли это для рядового человека? А есть ли необходимость в том, чтобы все были Абаями? Есть определенная закономерность в том, что между выдающимися личностями и простыми людьми дорога длиною в жизнь. Поэтому нельзя относить к невеждам поголовно всех незнающих.

К ограниченности человеческой натуры надо относиться терпимо. Абай понимает, что множество невежд, совершая неразумные дела, имеют способность, с полуслова понимая друг друга, создавать толпу. Он в отчаянье от того, что инстинкт толпы формирует ее сознание. Не повинуясь рассудку, они способны на богопротивные дела.

Это большое испытание на человечность, т.к. инстинкт толпы таит в себе угрозу людям, их будущему. Инстинкт толпы ограничивает ум, сковывает волю.

Во-вторых, пустого человека Абай характеризует следующим образом: невежа с безум-

ным взором - жалкое подобие человека. Такой человек не способен на благие дела, его не увлекут благородные порывы, ему не дано проникать в суть вещей, он живет только сегодняшним днем, у него нет огня в душе, ему не о чем печалиться, не о чем тужить.

Есть две причины, которые порождают эту душевную пустоту: первая – патология, болезнь, умственная отсталость, вторая возникает как следствие лености и безалаберности натуры. По мнению некоторых, депрессия, разочарование тоже можно назвать душевной пустотой, но отречение от жизни – это своего рода результат размышления, способности мыслить. Но если человек, не догадываясь о том, что истина – это сама жизнь, отрекается от жизни просто из упрямства, его можно отнести к невежам. Жизнь – это дар, ниспосланный Творцом. А отказываться от дара – невежество. В связи с этим прав Абай, который говорит: "Мрак ночи закрывает мир невежды. Как можно избежать завесы темноты, которая окутывает невежду?" И продолжает: "Суть человека – в совершении благих дел". Абай следовал этой идее, всегда убежденный в том, что только в этом случае душевный свет озарит жизнь человека, рассеется мрак. Но благодеяние соответственно требует целеустремленности, образованности, широкого кругозора, одним словом, умения мыслить. Целеустремленного, образованного, интеллигентного, думающего человека никогда не накроет "завеса темноты, невежества".

Таким образом, по Абаю, душевно пустой человек – невежа.

Но мне думается, что понимать эти определения буквально, в прямом смысле, не следует.

Внимательный читатель заметит, что Абай не допускает безапелляционного тона при толковании тех или иных положений, уходит от прямых ответов. Хотя поэт, вникая в суть интересующих его вопросов, всесторонне изображает жизнь, подлинный смысл его слов скрыт в глубине.

Например, поднимая проблему невежества, чванства, Абай свое назначение видит не только в том, чтобы просто подметить недостатки, но и показать пути их устранения. Невежественный человек – душевно пустой человек, говорит Абай, и тут же представляет проект решения этой проблемы, суть которой заключается в том, чтобы устремиться к знаниям, к искусству. Для этого, конечно же, нужен ум, сознательность, богатство чувств.

В-третьих, Абай вскрывает истоки невежества: неграмотность, отсутствие знаний. Это мнение вызывает у нас встречный вопрос: а что понимать под словом "неграмотность"?

Надо признать, что само это понятие требует уточнения. По традиции, неграмотным, необразованным мы называем того, кто не видел в глаза учителя.

Абай же это слово употребляет в двух значениях: обучавшиеся и учившиеся, но ничему не научившиеся. Критерием образованности

Абай всегда называет человечность. Если человек, обладая знаниями, проявляет необразованность, его Абай называет невеждой. К примеру, Абай говорит: "Не понимает никто слов", подразумевая слово поэта. Конечно же, именно его слово непонято. Сказать так Абай имел право, и он знал цену слова. Он осознавал, кем он является для казахов. И когда он с горечью констатирует: "И говорящие и слушающие в большинстве своем невежи", - его слова звучат убедительно. "И акыны их глупы", - продолжает Абай, также имея на это право, ибо он не только знал цену истинного поэта, но и сам был таковым.

Абай в полной мере выстрадал и заслужил право определять подобные критерии – и критерии истинной поэзии, и критерии истинного поэта.

Абай считал, что тот, кто недооценивает невежд, сам невежа. Ибо невежа тоже человек, и презирать его – несправедливо.

Подобное мировосприятие сродни взглядам аскетов. Абай не был чистым аскетом, но был им близок по духу. Понимая, что враждебность порождает мстительность, ожесточает человека, он писал: "Цель моя – отточив перо, выбрать слова, которые раскрывают глаза невежде".

"Презирал я невежд, считая их ниже себя!" – укоряет Абай самого себя. Это мнение заставляет и нас задуматься. А разве мы избавлены от этого? Вряд ли есть на земле человек,

который бы не проявлял невежество. Ведь и сам Абай признает за собой этот недостаток.

Абай в "Слове" говорит: Бог создал болезни, но не он их вызывает. Точно так же невежество ниспослано Творцом, но человека делает невежественным не Бог. Но тогда в каком случае человека можно назвать невежественным?

Если человек замечает в себе проявление невежества, то он уже не может быть невежественным. Невежество порождается незнанием, говорит Абай в "Восьмистишиях": "Для невежи главное – мнение большинства. У кого нет собственного мнения, своей точки зрения, тот пустой человек. Он будет следовать за любым, выполнять не раздумывая его волю. У такого человека нет внутренней свободы, и он вряд ли сможет избежать невежественности". Наблюдая за подобными людьми, самодовольными, хихикающими невпопад, пустыми, Абай с горечью писал: "У невежды одно на уме – веселье и смех".

Абай не только обозначил три основных качества, определяющих человеческую суть, - сильную волю, светлый разум и горячее сердце, он еще и предавался глубоким размышлениям о смысле жизни. Природа смертна, человек же бессмертен, считает он. Человеку с самого начала уготован этот удел.

Средневековый мыслитель Коркыт всю жизнь посвятил поиску ответа на вопрос: что не имеет смерти? От него достался нам в наследство высокий афоризм: "Куда ни пойдешь, везде могила Коркыта", смысл которой заключается в том, что человек не может избежать своей смерти, где бы он ни был. Жизнь – это дар, смерть – истина. Это неоспоримо, но есть обстоятельства, когда наступает бессмертие и смерть отступает. Перед Коркытом *везде оказывалась могила, которую надо* рассматривать как его земную судьбу, но не судьбу в Вечности. Абай считает, что смерти для "Я" нет изначально. Какой же смысл вкладывал Абай в это "Я"? Он как бы делит человека на две половинки. Абай так говорит об этом: "Смертна природа. Человек не умрет, хоть жить не будет и обратно не придет. Разъединение со мной той природы один невежда полной смертью назовет" *(подстроч. пер.)*. Тогда выходит, что, хотя человек бессмертен, после того, как наступит его смертный час на земле, возвратиться обратно в том же образе, в той же форме ему нет возможности.

Он уже не будет пить и есть, веселиться, смеяться как прежде, ибо время необратимо, повернуть его вспять никому не дано. Это доказывают и законы физики. Покинувший этот мир навсегда переселяется в иные пространства. И от него остаются лишь воспоминания, лишь представление о нем. Это в общем не так уж мало. Когда в сознании формируется образ ушедшего, его жизнь становится легендой, мифом.

Например, уже упоминавшийся нами Коркыт – личность мифическая. Абая мы не можем назвать мифическим героем, наверное, потому что для этого нужно время. Чтобы реальность стала реальностью, нужна переоценка ценностей, их смена, это, во-первых. Второй вывод, который мы заключаем из вышеприведенного четверостишия Абая, это то, что *понятия* "Я" и "Мос" суть раздельные. Это открытие Абая. Отделение "Я" от "Моего" называется смертью, утверждает Абай, четко определяя понятие смерти. Но тут надо учесть, что Абай говорит лишь о причине отделения "Я" от "моего" и называет это смертью. Смерть – это метод, способ доставки человека в "запредельный мир". Это сродни тому, как человек снимает старые одежды и появляется в обновке. Тогда что же подразумевает Абай, выделяя "Я" и "Мое"? Ответ находим у самого поэта: ""Ум и душа" – Я; плоть – Мое. "Я" и "Мое" - понятия разные" *(подстроч. пер.)*, - говорит он. Структура "Я", т.е. его содержание,

- это ум и душа, суть субстанции духовного. И потому человек не умирает, дух его бессмертен, заканчивает жизнь на земле лишь его физическое тело. "Мое" определяет, по Абаю, физическую величину. "Мое" умрет, у "Я" смерти нет, заключает мыслитель. Это ответ Коркыту, но в размышлениях Абая есть одна неразрешенная проблема – это *понятие ума* (акыл).

Ум и *душа* – это "Я", говорит Абай. Душа уходит из тела, а ум? Или, быть может, Абай считал, что ум формирует оставшиеся после ухода человека в мир иной воспоминания, представления о нем? Оставившего после себя добрую память и теплые воспоминания как можно назвать умершим?

Оставить бессмертное слово - значит оставить память о том, что ты был на этой земле? Конечно, это подтверждает и история. Оставим это в качестве вопроса Абая.

Мы все осознаем, что смерть - это истина, ибо пустое слово "могила" на казахском языке звучит "көр". И это слово "көр" переводится как "смотри". Смерть неизбежна, это то, что ждет тебя в будущем, твой рок, место, где уготован тебе покой.

Вместе с тем есть одна проблема, над которой бьются по сей день ученые и мыслители. Проблема эта связана с понятием души. Об уме Абай сказал, а что же понимать под словом *душа?* Почему душа, по Абаю, должна быть вечной, куда она уходит, покидая бренное тело? Где ее пристанище, как определить ее даль-

нейшую судьбу? На эти вопросы ответов нет, все попытки поисков – это лишь набор гипотез, предположений, догадок. Одна из таких гипотез принадлежит Абаю.

"Разве можно жить, не думая о Творце? Не может ли быть иной мечты, кроме той, что суждено нам вернуться в *Ләмәкән*...".

Над этой версией стоит призадуматься, взвешивая все за и против. Смысл всей нашей жизни, может статься, определяет это понятие *Ләмәкән*. Лк мққкн – в переводе означает место без адреса. В понимании Абая – это обитель Творца. Ләмәкән – это предположительно настоящее твое пристанище, истинное твое место. *Ләмәкән*, – наверно, вечная обитель души.

Не могу сказать точно, что это понятие обозначает в полном объеме. Абай тоже не составил точного определения. На наш взгляд, Ләмәкән – место, пространство, куда переселяются души. То есть у каждой души есть свой срок существования, отдельная жизнь. Может быть, и ум там же находит себе пристанище?

В моем представлении и душа, и ум - это сила, энергия, проявление их в человеческом теле. Они имеют одну форму, а вот покинув плоть, и душа и ум, быть может, обретают иные очертания, иные воплощения? Возможно, что этим изменениям нет границ. По этому поводу есть различные версии и догадки и у ученых и в религиозных догмах. Мы же останавливаемся на одном: как, в какой форме достигают душа

и ум своего вечного пристанища - Лә мәкән.

Обратимся теперь к проблеме *понятия властелина*, вернее, к проблеме первоистока. Говоря о властелине, имеет ли в виду Абай Творца, Бога? Это не ясно, и у меня нет ответа.

Восхождение к первоистоку, началу начал всегда есть поиск на пути истины. Что же тогда есть истина? Ответ находим у Абая в тридцать восьмом слове. *Истина* – сама жизнь. Где нет жизни, там нет зрелости, совершенства.

Субстанция жизни – человек, но достичь совершенной жизни дано лишь хорошему человеку – добродетельному, благонамеренному. В связи с этим вспомним Шакарима, который еще в 1912 г. сформулировал для читателей журнала "Айқап" пять вопросов. Один из них звучал так: "Какой он – хороший человек?" Вопросы Шакарима продолжают традицию Абая, который в тридцать восьмом слове дал полное определение положительного человека. Обратим внимание на вывод – так называемую характеристику положительного человека.

Хауас сәлім – арабское слово, в переводе означает свойственные человеку *хорошие манеры, качества, черты*. Абай дал объяснение, как обрести такой уровень положительного человека. Необходимы шесть условий, при которых человек достигает совершенства: крепкое здоровье, здоровые корни, добродетельные родители, благородный друг, благонравный учитель. Эти условия - критерии в определении положительного человека. И далее Абай, как

бы отвечая на вопрос Шакарима, говорит, что тот, кто обладает всеми вышеперечисленными качествами, может называться человеком.

Он, этот хороший человек, по Абаю, должен выделяться благими делами; а именно: познать (постичь) Аллаха, себя, Вселенную. Перед ним всегда должны стоять эти три проблемы, и по мере решения этих проблем определяется его положительность.

Теперь остановимся на каждой из этих проблем отдельно. Первая задача – постижение Аллаха. Постичь Аллаха не означает лишь слепо верить в его существование. Необходимо познать его благости, осознать его как создателя, признать его. Но постижение Аллаха – это не столбовая дорога, путь этот долог и мучителен. Мы имеем возможность постичь его через то, что создано его мощью, его величием. А что он создал?

Вся Вселенная, вся жизнь – творение создателя. В таком случае постичь Творца мы можем, стремясь познать все, что сотворено им. Говоря об отраслях наук, в первую очередь мы говорим о естественнонаучном цикле: физике, биологии, химии. Ученые-естественники изучают явления природы, ее законы. Поэтому человек, признавший могущество Творца, постигая законы всего сущего, природы, Вселенной, делает попытку познать создателя. Путь науки – путь к постижению Бога. В связи с этим вспомнился мне один эпизод из жизни выдающейся личности Омара Хайяма, который,

по последним данным, скончался в 1123 году.

В день кончины он читал книгу Авиценны "Исцеление". Дойдя до главы "Единое и множественное", он заложил страницу золотой зубочисткой, закрыл книгу и велел позвать нужных людей, чтобы оставить завещание. В тот день он не взял в рот ни крошки. После вечернего намаза, он, касаясь лбом земли, проговорил: "О боже, ты знаешь, что я познал тебя по мере моей возможности. Прости меня, мое знание – это мой путь к тебе". Это были его последние слова. Сказав их, он скончался.

Перейдем к другой задаче, стоящей перед человеком, – задаче постижения себя. Вокруг этого существует много теорий, концепций в философии, психологии.

Как познать самого себя, – конечно, посредством других. Тогда это проблема учения о познании, то есть самопознание, которое является отраслью науки.

Постижение бытия, жизни выражает понятие мировоззрения. Основная функциональная нагрузка философии – именно *мировоззрение*. Абай называет его в своих стихах "идеал бытия" (дүние көркі).

Изучение, постижение красоты Вселенной само по себе освещает человеческую жизнь, питает ее живительной силой. *Светлый ум* (нұрлы ақыл) – одно из достоинств человеческой личности, по Абаю, исходит и питается именно этой силой.

Таким образом, светлый ум исполняет

высокую миссию - постигает Вселенную. Абай - мыслитель, которого не могли сдержать четко установленные границы религиозных догм. Разве можно стать хакимом, лишь повторяя суры Корана или излагая общеизвестные библейские сюжеты?

В том и величие Абая хакима, что он ищет начало любого явления, его причину. Поэтому, говоря, "пока ваш ум не поверит, не верьте", это значит, что он любой вопрос подвергает анализу, обдумывает со всех сторон.

Не подвергая сомнению существование Творца, его Слова, Абай говорит о необходимости познать его суть, субстанцию, постичь глубину его откровений.

В стихотворении "Легко Аллах произнести" он открыто говорит о трудности выполнения этой задачи. Не словом, не умом, а сердцем ощутить его присутствие, почувствовать его.

К тому же Абай подчеркивает, что слово Аллаха – истинно, но в искренность человеческих слов он не верит и выражает большое сомнение. Почему?

Ответ находим в 38 слове. Абай пишет: "Слово Аллаха – беззвучно, не имеет буквенного обозначения". Поразительно, до какой степени Абай точен в определении. Пророк был неграмотным, он не знал алфавита. Откровение ниспослано было ему через глас Божий.

Знание Пророка – это знание через видение, а мы наши знания получаем посредством букв. И тогда ясно, кто более близок Творцу.

Читаем у Абая: "Начало слова – аят, Хадис".

Аят - представление о совершенстве бытия, это начало слова, но оно зарождается не в мыслях человека, это видение, которое пришло пророку Мухаммеду в виде песни. Аят – это доказательство того, что Мухаммед-пророк.

Мухаммед объявил людям, что ему было видение и что он слышал голос Творца. Есть легенда, рассказывающая о том, что пророк не знал грамоты.

Ангел Гавриил рассек мрак ночи и, осветив все вокруг чудесным сиянием, явился в облике прекрасного юноши. Твердым и одновременно нежным голосом он приказал Мухаммеду: "Читай!".

Мухаммед был страшно напуган, сердце билось, готовое выпрыгнуть из груди. Придя в себя, он сказал: "Я не умею читать, не могу". Гавриил крепко сжал в своих объятиях Мухаммеда: "Читай!".

Мухаммед повторил, что не знает грамоты. Архангел еще сильнее стиснул его в своих объятиях, потом отпустил и сказал: "Читай!"

Пророк произнес: "Я не могу читать". Помедлил и вдруг сказал: "Говори, что читать?"

Архангел Гавриил прочитал посланные Аллахом первые аяты из суры: "Читай! Именем Творца, твоего создателя. Он сотворил человека из капли крови. Творец – всещедрый и всемогущий, он научит людей писать, откроет глаза на мир".

Постепенно оправившись от испуга, Мухам-

мед слово в слово повторил все ниспосланные откровения Аллаха.

В мгновение ока слово Божье нашло свое место в сердце Мухаммеда, и язык его без заминки произносил слова откровения.

Вот таким образом донес до нас миф реальное событие. Заглянем с вами вглубь проблемы. Что же случилось на самом деле? Мухаммед не знал алфавита. Мы обычно говорим в этом случае, что человек неграмотный. Это традиционное наше представление. Но в нашем случае проблема более сложная. Знания приобретаются человеком в процессе обучения, через образовательную систему. Вместе с тем есть знания, которые передаются вне этой системы.

В истории человечества были такие примеры. Один из них – история, случившаяся с пророком Мухаммедом. Иисус тоже обладал такими знаниями. Продолжая наши размышления, скажем, что пророк Мухаммед, повинуясь приказу Архангела Гавриила, не прочитал откровения Аллаха, они были переданы ему по памяти. Значит, откровения Аллаха сохранились в том виде, в каком их запомнил пророк. Откровение (аят) – слово Аллаха, по Абаю, без звука и не имеет буквенного обозначения. Откровение внедрилось в сознание Мухаммеда как видение. Позже его переписали, перевели, озвучили и оформили как книгу – Коран. Вполне закономерно, что откровения Аллаха многим непонятны. Пытаться постичь слово

Божье через письмо – вопрос спорный, задача неразрешимая на данный момент.

Язык – сокровище человечества, его мы изучаем, знаем, пользуемся им в повседневной жизни. Но откровение – это другой язык, язык, не имеющий письма, говоря научным стилем, вероятно, это проявление, выражение мировой энергетики, особой силы.

На земле есть люди, способные подобно электростанциям, трансформировать электрический ток.

В древности Платон обозначил знания человечества как воспоминания.

По его мнению, знания, которые мы приобрели и которые еще приобретем, даются человеку с рождения. Получить образование – значит вспомнить то, что существовало раньше, но было забыто.

В эпоху широкого распространения образования и науки в нашем сознании утвердилось такое понятие, как принцип, метод, которым пользуются при изучении каких-то определенных проблем. Принцип определяет направление исследования. Направление указывает дорогу. Поиск дорог и выбор их начинались именно с откровений Творца. Откровение как сознание Божье было явлено и другим людям, не только Мухаммеду.

Но им не дано было постичь смысл слова Божьего.

Итак, Абай говорил: "Откровения Бога – начало всех Слов".

Почему начало всех слов? Обратим внимание

на три положения. Во-первых, откровение – основа слова, начало его, как говорит Абай, но оно суть не само слово, ибо слово соотносится с человечеством.

"Слово Аллаха" - откровение, его на человеческий язык перевел пророк.

Пророк – это особенный, выделяющийся из толпы человек, назначение которого в том, что он переводит слово Божье на язык людей. Само это явление, т.е. сам перевод как процесс, требует посланника, посредника между Богом и человеком.

Абай имеет в виду вселенскую природу откровения, когда говорит о том, что оно - исток слова. Начало слова – нулевая точка отсчета, и больше о нем никаких сведений нет, во всяком случае, доступных для человеческого сознания. Смысл откровения, его значимость – в том, что это тайна Творца. Во-вторых, откровение Творца – это его тайна, которая может быть раскрыта человечеством. Когда Творец хочет себя проявить, он посылает свои откровения посредством видения. Потом наступает черед пророка – его миссия состоит в том, чтобы донести слово Бога, поэтому после откровения следует *хадис* – обращение пророка к людям. Существует чрезвычайно много толкований Корана, и это связано с желанием понять и передать другим открывшийся смысл.

Но вряд ли возможно до конца глубоко и полно осмыслить Послание Бога. Если оно – начало слова, его первоисток, то возможно ли передать его смысл обычными словами?

В-третьих, послание – форма стиха, его вид. Значит, тайна мироздания, его мощь доходят до человека в форме стиха. В этом смысле истинный поэт – сам Творец, поэтический дар – одно из его могуществ. Говоря, что в природе поэта есть божественность, мы имеем в виду, что эта божественность - производная от Творца

* * *

О переводах Абая. Переводчик должен обладать тремя качествами: художественным вкусом, разборчивостью и глубиной мышления. Разборчивость можно назвать проявлением одной грани Абая как хакима.

Абай не переводил всех подряд, кто ему попадется, вступая с автором в своеобразное поэтическое состязание. Переводы Абая, - по сути, состязание мыслей. Поэтому целесообразнее воспринимать их как творческое переложение поэтических идей.

Особенно много Абай переводил Александра Пушкина и Михаила Лермонтова. Художественному вкусу поэта не перестаешь удивляться. Двух гениев, безраздельно принадлежащих русскому народу, русской культуре, не признающих других ценностей, Абай глубоко изучил и, желая представить казахам, перевел их произведения.

Роман в стихах "Евгений Онегин" Александра Пушкина Абай перевел не весь, а только отрывки. "Портрет Онегина", "Письмо Татьяны", "Ответ Онегина Татьяне", "Монолог Онегина", "Письмо Онегина Татьяне", "Монолог Ленского", "Предсмертные письма Онегина" – всего 8 отрывков. Почему Абай не перевел полностью роман Пушкина? На этот вопрос ответить сразу трудно. На мой взгляд, если бы роман был переведен полностью, то читатели-казахи того времени не восприняли бы его. Абай

понимал это. Соотечественники поэта, воспитанные на классических произведениях-дастанах о любви, начиная с "Лейли и Меджнуна", вряд ли поймут призрачные, невыразительные чувства Онегина к Татьяне. Восточная традиция заставляет влюбленных ради любви идти на любые жертвы – вплоть до гибели и самопожертвования. Здесь достаточно вспомнить сюжет эпоса "Козы-Корпеш – Баян сулу". Вот почему Абай очень осторожно подошел к выбору отрывков для перевода. Например, в "Слове Татьяны" первая строка перевода звучит так: "Ты мой супруг, Всевышним данный".

Абай не употребляет здесь слово Аллах, заменив словом "Всевышний". Можно было бы сказать "Бог". Но нет, Всевышний. И тогда всем понятен и Абай, и Пушкин. В уста Татьяны нельзя вложить слово Аллах, поскольку она христианка. Для русской девушки и казахской девушки, которая поет песню Татьяны, должно быть общее понятие. Абай точно определил его – это слово "Всевышний".

Переплетенные корнями, единые судьбой и русский и тюрк, точнее, кипчак имели еще с древних времен единые понятия, одно из них было – Творец. Мудрость Абая в том и состоит, что, создавая образ Татьяны, он умело использовал исторически соответствующий термин. Абай – поэт, тонко чувствующий, умелый рассказчик, бережно обращающийся со словом.

Приведу в подтверждение моих слов пример. В домусульманский период тюрки считали, что

судьбу дарит им Тәңір (Творец). Подобную мысль мы встречаем у тюркского мыслителя Иолытегина. Когда Татьяна говорит: "То в Вышнем суждено Совсте, то воля неба – я твоя", - она имеет в виду судьбу, согласно предначертанию которой она должна стать супругой Евгения.

Подчиняясь судьбе, Татьяна пишет самодовольному, себялюбивому эгоисту Онегину письмо, в котором признается в своих чувствах. Евгений отвергает ее любовь. Для бедной Тани жизнь закончилась, и ей осталось лишь существовать. Любви нет, она угасла. Жизнь вне судьбы нельзя назвать полноценной, ведь истинный смысл жизни – в том, чтобы исполнилась определенная тебе судьба. В иных обстоятельствах человека ожидает жизнь, полная суеты и хлопот, беспросветной скуки и разочарований. "И у животных есть душа и плоть", - саркастически замечал Абай. Да, предначертание судьбы не исполнилось, и что же стало с Татьяной, что ожидало Евгения? Пушкин рисует картину их жизни – бессмысленного, пустого существования.

Таким образом, суть жизни, ее содержание – судьба, которую вручает человеку ее Творец. Словами Татьяны Абай делится своими размышлениями о судьбе женщины.

Отношение Абая к Лермонтову несколько иное, поскольку они более близки по духу. 27 произведений Лермонтова переведены на казахский язык поэтом. Анализ всех переводов

требует специального исследования, я же остановлюсь лишь на нескольких произведениях.

В 1829 году Лермонтов переводит на русский язык стихотворение Шиллера "Дитя в люльке", написанное в 1796 году. Абай, пользуясь переводом Лермонтова, переложил его на казахский язык. Что же вызвало интерес трех мыслителей, трех поэтов – Шиллера, Лермонтова, Абая? Отвечая на этот вопрос, мы окажемся в области серьезной отрасли знаний – философии жизни.

Как прожить жизнь, как ею распорядиться? Чтобы жить, человек совершает порой недостойные поступки. Идет на крайние меры, тем самым подвергая саму жизнь опасности. А вот для младенца в люльке этой проблемы нет. Дитя вырастет, повзрослеет и встретится со сложностями жизни. Сравним 2 отрывка:

Счастлив ребенок!
И в люльке просторно ему, но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.
(М. Лермонтов. М., 1975. Т.1. С.179.)

Перевод Абая:

Как просторное урочище – колыбель для малыша.
Божье создание не будет голодным,
Повзрослеешь, и тесен покажется мир,
Будешь искать тишины и крова над головой.
(Подстроч. перевод)

И кто же счастлив по-настоящему? Дитя или взрослый? Думаю, что подобная постановка вопроса неверна.

Да Абай и не использовал никогда это слово. Не знаю, как у Шиллера, а Лермонтов говорит зрелому человеку: "Тесен покажется мир". Здесь нет никакой трагедии. Если человек воспринимает мир таковым, находясь в плену своих иллюзий, несбыточных мечтаний, когда им движет жажда знаний, тут нет ничего опасного. Проблема в том, как он решает добиться поставленных целей, что предпринимает для этого.

Абай же ставит вопрос несколько иначе. Он говорит: "Будешь тщетно искать покоя и крова". Как это страшно осознавать: некогда колыбель казалась тебе целым миром, теперь же в целом мире тебе нет места. Но может быть, во всем виноват сам человек, его поступки. Взрослея, человек обретает силу, которая не дает ему покоя, заставляя метаться, искать то, что ему кажется необходимым. Он проводит жизнь в хлопотах, суете, в погоне за своей мечтой. Об этом говорит Абай, и такой Абай понятен казахам. И надо бы остановиться на достигнутом, вознося благодарность Богу.

В мировоззрении русского народа нет понятия "тауба", и поэтому Лермонтов не сказал о необходимости сдерживать свои порывы после слов – "И тесен покажется мир".

В переводе Абая нет словосочетания – "счастлив ребенок". Вместо него образ колы-

бели, которая для младенца вмещает весь мир. Но Абай продолжает далее тему безмятежного детства, дополняет образ младенца такими характеристиками, как *благо* (құт) и *благодарность* (ырыздық). "Ребенок, воспитанный творцом, может ли быть голоден?", - спрашивает Абай. Воспитанный Богом – означает благо, данное младенцу. Благо в самом младенце, и то, что уготовано судьбой, будет отпущено только ему и никому другому. Лермонтов это передает словами "счастлив ребенок". В свое время Мыржакып Дулатов так перевел это четверо-стишие.

> Счастлив младенец: свободен в своей люльке
> Подрастет немного и
> Скажет: "Тесен мир".

Перевод Дулатова – калька, Абай же и в переводе остается истинным поэтом и использует поэтическую метафору, передавая самый дух лермонтовской мысли.

Лермонтов и Абай писали о том, что человек счастлив лишь в младенчестве. Взрослея, говоря языком социологов, социализируясь, человек получает удары судьбы, мечется, кидается то в одну сторону, то в другую, и, как говорит поэт, тесен становится ему мир.

Взрослый, умудренный жизнью человек вместо того, чтобы почувствовать себя счастливым, мучается, переживает. Это и есть жизнь. Есть два типа людей. Одни представляют жизнь

как вечный праздник, как веселую ярмарку, где надо пользоваться всеми удовольствиями. Это о них Абай говорил: "Без печали и мысли, каждый день им праздник" *(подстроч. пер.)*. Второй тип – категория людей думающих, живущих осмысленной, полноценной жизнью, для них подобное восприятие жизни исключено.

Стихотворение М.Лермонтова "Пленный рыцарь" в переводе Абая звучит как "Тұтқындағы батыр". И оригинал, и перевод состоят из 5 четверостиший. Содержание передано полностью. Читая переводы Абая, удивляешься тому, насколько глубоко проник поэт в мир русского языка. Например, строку "Молча сижу под окошком темницы" Абай переводит сохраняя образ, но не слово в слово. Перевод сохраняет смысловое содержание, саму мысль поэта. Еще об одном хочу упомянуть. Переводы Абая, если бы они не были специально выделены, очень сложно было бы отличить от его же произведений.

Все слова, понятия, представления доступны. Например, читаем у Лермонтова: "Нет на устах моих грешных молитвы". Абай приводит абсолютный эквивалент, соответствующий миропониманию земляков: "Нет благодарности, нет молитвы, один порок завладел всем существом".

В пятой, последней, строфе Абай более глубоко и полно, на мой взгляд, освещает проблему рыцарства. Герой не печалится, не скорбит о своей участи пленника, он смирился с судьбой. Абай вводит в текст перевода новый образ – смерть в образе рыцаря. Рыцарь–смерть. В

оригинале этого образа нет. Для казаха была бы непонятной идея стихотворения. Рыцарь сеял смерть, убивал людей, теперь смерть стоит у его изголовья. Но истинный рыцарь смерти не боится, для него главное – встретить ее с достоинством, поэтому он и подзывает рыцаря смерти – "подойди поближе".

"Моя тайна не проста" - это перевод стихотворения Лермонтова "Я не хочу, чтобы свет узнал". 16 строк у Лермонтова, 16 строк у Абая. По содержанию перевод близок к оригиналу. В данном Лермонтовым пояснении читаем: "Написано на одном листке со стихотворением" "Не смейся над моей пророческой тоскою...", которое по содержанию предположительно датируется 1837 годом. Впервые опубликовано было после смерти Лермонтова, в 1845 году, с цензурным пропуском двух строк:

И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья.

У Абая был полный текст стихотворения, без цензурных правок. Но тут следует отметить, что именно две строчки, изъятые царской цензурой, приводили в восторг Абая –

Мен тентек пе, түбінде кім жазалы,
Қайғыны жіберуші озі сынар.

Трудно назвать это стихотворение переводом, ибо Абай, прочувствовав мысль Лермонтова,

развил ее настолько глубоко и полно, что произведение, представляется мне, должно занять достойное место как авторское в творческом наследии поэта.

Ни одна капля не была пролита из драгоценного сосуда поэзии Лермонтова. Билингв поймет это при внимательном прочтении текстов. Я обратил внимание на лермонтовское "тому судья лишь Бог да совесть".

Про Бога понятно. А вот слово *совесть,* думаю, всерьез заинтересовало поэта. Что же кроется за этим словом, какой смысл вмещает оно в себя? В каком значении используют оба поэта это слово. Если пользоваться научной терминологией, смысл слова *совесть* отчетлив и конкретен в понятии "мораль". Но и Лермонтов и Абай использовали слово совесть в более высоком понятийном смысле. Наряду с понятием Бога как абсолютным понятием, стоит "совесть", которое мы также можем представить как понятие абсолюта. Без понятия *совесть* невозможно представить человеческую сущность.

В таком случае *совесть* – это категория сознания или проявление каких-либо качеств, черта характера?

Наверное, совесть имеет отношение к познанию, к ошибкам на этом пути, осмыслению их и человеческой скорби. Тогда мы приходим к выводу, что проблема совести не соотносится с понятием Бога.

Бог дал свободу человеку, и на этом пути судья ему – Совесть.

Человек не должен преступать через свою совесть. Для этого он должен иметь представление о границах и возможностях совести. Но можно ли требовать от раба Божьего то, что недоступно ни его уму, ни его способностям? Кто может сказать, желает он этого или нет, а может быть, это и не нужно.

В таких случаях на помощь спешит сердце. У Лермонтова читаем:

Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья,
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья...

И Абай, понимая мысль Лермонтова, сделает совершенно потрясающий перевод:

Жүрегім екеуіне жалбарынар,
Рақымдық пен әділ – сор деп жалынар.
Мен тентек пе, түбінде кім жазалы,
Қайғыны жіберуші өзі сынар.

Сердце обращается с мольбой к Богу и совести, просит у них прощения. "Милосердие и справедливость – это мука" (подстроч. пер.), - говорит Абай.

Это мировая проблема. Люди страдают и мучаются от собственной порядочности (тактичности). Об этом прямо говорит Абай. "Сердце мое скажет, что милосердие и честность – это то, что приносит муки".

Лермонтов: "Им сердце в чувствах даст

отчет". Абай уточняет далее, углубляя лермонтовскую мысль: "Я ли виновно, кто же в конце концов должен понести наказание". Сравним третью строку Лермонтова, где сказано: "И пусть меня накажет тот", четвертую же строку оба поэта заканчивают одинаково: "Пусть судит тот, кто посылает эти муки".

Возникает вопрос: а кто же он, который посылает им муки? Он – Творец. Но почему он посылает им муки? Вопрос требует времени для размышлений. Наверно, думающий человек не может быть беспечальным. Сколько людей обрекают себя на муки, пытаясь защитить свою честь, не запятнать совесть. Посылает же эти муки сам Создатель в виде испытаний. И вполне закономерно, что и судья тоже он.

Из поэмы "Демон" Абай перевел две главы. Известно, что он никогда не пользовался калькой, переводя текст дословно. Стихотворение "Шайтан", состоящее из 10 строк, трудно назвать переводом, скорее всего это вольное переложение.

Абаю, на наш взгляд, всегда была интересна идея. Так было и в случае с поэмой "Демон", когда Абай глубоко и всесторонне проанализировал и составил представление о Демоне. Вначале он искал ответы на вопрос: "Кто есть Демон?". Демон – изгнанник Божий. Здесь и Лермонтов и Абай едины во мнениях. Возникает другой вопрос: Почему, за что демон был изгнан Богом из рая? И вот тут образ демона начинает проясняться. Он стал называться демоном,

потому что усомнился в силе всемогущего Творца. То, что не имеет сравнения, – одиночество - свойство Бога, которому известна тайна этого одиночества, для других постичь это невозможно. Один из ангелов задумал посягнуть на святое святых Творца – его тайну, за что был проклят им и определен в демоны. С этого момента берет начало мировая история.

На земле началась новая эра, смысл которой в противостоянии ангела и демона. Конкретного объяснения этому нет, есть только описание свершившегося.

Причину случившегося Абай видит в гордыне. Гордыня включает в себя честь, волю, силу, целеустремленность. Но, по-видимому, причина демонизма не только гордыня, наверное, есть и другие обстоятельства. В религиозных мифах говорится о том, что падший ангел воспротивился решению бога создать человека. Иными словами, грех демона в том, что он усомнился в его могуществе и правоте. И не только подверг сомнению его решение, но еще и указал на недостатки Творца. Но откуда в нем такая смелость? Такая гордыня? Надо полагать, что эта черта передалась ему от Бога, значит, демонизм заложен и в самом Творце. Подтверждением моих слов может служить тот факт, что много позже потомки Адама, переняв деяния демона, рассеяли их по всему миру. Каин убил своего брата Авеля. Конечно же, эта традиция идет не от ангела, а от Демона. Остановимся же на заключении, что причина

демонизма заложена в сотворении мира, и перейдем к характеристике Демона, которую дали Лермонтов и Абай.

Первая черта.

Демон жаждет одиночества. Абай говорит: "Одиночество – это преимущество лишь Творца".

Демонизм ведет к одиночеству. "Никого нет выше меня, никто не может сравниться со мной" - эта установка сгубила многих, фактов тому немало и в прошлом, и в сегодняшнее время.

В мусульманской философии существует концепция "ткуба" (благодарение Всевышнему), созданная специально для усмирения гордыни. Там, где нет тәуба (благодарение Всевышнему), там нет святости, нет меры. Отсутствие тәуба присуще только Демону. Демон хочет быть одиноким, но не может, поскольку это привилегия, прерогатива лишь Творца. Демон, осознавая это, печалится, тоскует. Демон свободен в выборе одиночества, но достичь абсолютного одиночества он не в силах. Для него никогда не будет такой возможности, как бы свободен он ни был.

Но больное сознание Демона не может отказаться от притязаний на возможность одиночества. Все его ухищрения, вся его деятельность во имя этого и делают его Демоном, составляют его суть. Поэтому мы и называем недостойные деяния происками Демона, а благие дела – венцом усилий ангелов! Не случайно Абай, говоря о лизоблюдах и

выскочках, называет их дела проявлением Демона. Занятие пустым, бесплодным делом и определяется именно такой характеристикой.

Поэтому стремление демона к одиночеству – это проявление его демонизма, но одновременно и проявление сути Демона, без этого качества смысл демонизма теряется.

Вторая черта.

Пустота в душе демона.

Здесь нужно обратить внимание на три понятия: проклятие, любовь и вера.

До того, как Демон был проклят, он был ангелом. Проклятие – это сила, которая влечет за собой качественные изменения. Проклятие – проявление воли Творца, который наказывает ангела, сотворенного им из света, за то, что тот посягнул на его волю. Сотворив из праха ничтожество, неизвестно почему, он решил, что все должны перед ним преклоняться. Это воля, приказ, который обсуждению не подлежит, но один из ангелов взбунтовался, предложив свою философию, выступил против воли Бога. Творец проклял его, и, по Абаю, в ту минуту из груди проклятого ушла любовь. Что же значит любовь? *Любовь* – это исконная связь между Творцом и теми, кого он создал. Связь эта прервалась. И теперь Демон волен делать все, что пожелает. На мой взгляд, абсолютная свобода – это тоже проявление Демона, который, получив ее, утратил способность любить. Значит, любовь – это чувство долга, или ответственность.

Демон свободен от ответственности, и потому он – Демон.

Преимущество человека в его долге перед Творцом, он держит ответ перед Творцом, который создал его. У демона нет таких обязанностей. Забыв о долге, он не может любить, для него нет ничего святого. Вот в чем разница между человеком и Демоном.

Любовь и вера у Абая неразделимы, ибо природа их одна. Где нет любви, там нет веры. Сущность веры туманна, неясна, неконкретна. Демона это раздражает. И его нельзя винить, ибо он хочет знать причину совершенного, но вместо этого получает лишь приказ. Приняв Бога, надо жить с верой к нему. Демон же по природе своей метафизик, он стремится познать первопричину. Это жажда познания, но Демон не осознает этого, его стремление коснулось и той области, которую познать нет возможности.

Есть понятие секрета, понятие тайны, но нужно уметь вовремя остановиться, ибо познать тайну Творца, - значит стать вровень с ним, а это невозможно. Таким образом, мы выяснили: Демон потому и стал им, что протянул руки к недосягаемому, запретному – тайне Всевышнего, за что он и был проклят.

Демон – враг человека. Абай приводит отрывок, в котором показывает, что даже сея зло, демон не может радоваться своей победе.

На мой взгляд, причина враждебного отношения Демона к человеку в том, что у последнего и до Демона было демоническое

начало. В этом смысле при совершении демонических поступков они являются конкурентами друг другу, соперниками.

В противном случае Демон не приблизился бы к человеку и за версту обходил бы его.

Но Демон чувствовал в человеке что-то родственное себе. До поры скрывавшееся, не проявившееся в человеке демоническое начало проявляется с момента его появления на свет.

Среди всех ангелов был один, который почувствовал, ощутил это родственное сходство — это был, конечно же, Демон.

Если попытаться ответить на вопрос, когда это началось, мы должны признать, что ангел ощутил себя Демоном в тот момент, когда Бог сотворил Адама. Вопрос заключается в осмыслении явлений демонизма и ангела. Дифференцированное сознание — это сознание Демона. Человек тоже является частью этого сознания. И демон ощущает в человеке врага. Но надо тут сказать, что в природе этой вражды заложена некая потребность, необходимость, которая является основой деятельности демона. Без человека демон не может жить, он ему просто необходим. Это как воздух, который нам нужен, чтобы жить. Без человека Демон перестает быть Демоном.

Для него есть опасность снова стать ангелом — в случае, если не будет человека. Трудно себе представить, чем будет заниматься Демон в судный день, может быть, перейдет в иное

качество. А пока жив человек, жив и Демон, и ему есть чем заняться.

Четвертая черта.

У Демона нет друзей, т.е. он не знает понятия "друг".

Если нет любви в сердце, то нет и дружбы, тем более тайны дружбы. Сущность Демона известна – как говорит Абай – он хочет сидеть один на почетном месте. Это неосуществимо. И потому Демон всегда в поиске порока, скандала, но из его попыток ничего не выходит, результаты безуспешны.

Не уставая делать зло, отказываясь покаяться перед Богом, не принимая дружбы человека, Демон абсолютно не знает дружеских уз.

Пятая черта.

Обреченность Демона. У человека есть еще одна черта, которая отличает его от Демона. Пока живет человек, он надеется, надежда, как говорится, умирает последней. У казахов говорят: "Только Демон без надежды".

Шестая черта.

Бунтарство Демона. Демон не устает делать зло, он проклят, поэтому его бунтарство не должно вызывать удивление. Из всех мятежей, которые знает человечество, самое страшное – революция. Насилие порождается вследствие всевозрастающей потребности делать зло, жестокость проявляется там, где нет любви и веры.

И потому Демон готов всегда к скандалу, готов к мятежу. Мятежность – демонизм, но и

в самой сути мятежа заложено стремление познать, ибо мятеж можно считать общественной формой познания.

В связи с этим вначале было много учений, основанных на необходимости мятежа. Мятеж основан на сознании толпы, инстинкте большинства. Увлечь толпу, направить ее против человечества – это демонизм, но это еще не все. Демон никогда не удовлетворяется количеством зла, он не знает меры, не знает воздержанности. Если человек не попадет в сети Демона, тогда он уравновешен, спокоен, воздержан, несет в своем сердце благодарность Всевышнему. Если же он попал под влияние Демона, то становится подобием его: жестокость его не знает границ, он сеет зло повсюду, где появляется. Абай называет Демона мятежным, но не только так.

В жизни любой может хотя бы однажды совершить мятежный поступок, но потом он может, проанализировав все случившееся, покаяться в содеянном, признаться в неправоте, и это доказательство того, что Демон над этим человеком не властен.

Абай не ставил перед собой задачи полностью перевести поэму Лермонтова "Демон". Русский поэт проблему демонизма раскрывал через события, что для казахов было необычным, поэтому Абай перевел лишь отрывок из поэмы, где говорится о том, что есть Демон.

Именно поэтому Абай почти полностью переводит 1 и 2 части поэмы и, раскрыв

основную идею, оформляет перевод как стихотворение. Это, во-первых.

Во-вторых, при сравнении оригинала и перевода, при общем сходстве взглядов двух поэтов, прослеживается и расхождения в их мировосприятии, мировоззрении. Объединяет их одна идея – печаль Демона. Оба поэта не случайно определяют эту идею. Они делают попытку понять Демона, проникнуться его печалью.

Было бы неправильно вот так, с ходу, назвать Демона плохим. Это слишком поверхностное суждение. Абай потому и перевел "Демона", что он принял его печаль, как свою, и передал это в стихотворении. Оба поэта, рассуждая о Демоне и демонизме, как бы дополнили друг друга.

Например, Лермонтов так рисует Демона, который еще не стал в полную силу таковым:

> В пространстве брошенных светил,
> Когда он верил и любил.
> Счастливый первенец творенья!
> Не знал ни злобы, ни сомненья...

Первоначально герой поэмы не знал ни злобы, ни сомнения, он верил и любил. Но может ли нас заинтересовать, привлечь подобный образ Демона? Думается, что само изгнание человека из рая сопряжено с необходимостью зародить проблемы на земле. Рай – жизнь без проблем. Но разве интересна жизнь

без проблем? Но тогда выходит, что принес этот интерес в реальную жизнь именно Демон, посеяв безверие, коварство, жестокость, вражду, сомнение в мире. Короче говоря, он нарушил мировую гармонию, посеял сомнение в могущество Творца. *Сомнение* – исток всех проблем. С течением времени вражда между людьми все более разгоралась, рождались различные учения и концепции, объясняющие этот процесс, решающие эти проблемы.

Первый "счастливец" на земле, по Лермонтову, тот, кто породил зло, и имя ему – Демон.

* * *

Читая и перечитывая Абая, с каждым разом все более убеждаешься в том, сколько еще не изведанного, не раскрытого таят в себе его бессмертные строки. Главное – нужно понять Абая. Он становится понятным лишь с годами. Каждое поколение по-своему понимает Абая. У каждого поколения – свой Абай.

Я же поделился с Вами своим открытием Абая.

* * *

Биографические сведения об Абае. Абай (Ибрагим Кунанбаев) родился 10 августа 1845 года в нынешней Восточно-Казахстанской области в Абаевском районе.

Отец Абая - Кунанбай – был состоятельным человеком, правителем края, в конце жизни совершил паломничество в Мекку.

Мать - Улжан - была грамотной, уравновешенной, мудрой женщиной. Первоначальное образование будущий поэт получил у аульного муллы, а в возрасте 10 лет был отправлен на учебу в Медресе Ахмета Ризы, что в Семипалатинске, через три года совместил обучение в медресе с учебой в "приходской школе", отучившись русской грамоте.

Но учиться дальше, завершить образование ему не пришлось, Кунанбай забирает его домой, решив сделать его своим преемником.

Абай же, обладая острым от природы умом, занимается самообразованием.

В 1876-1878 годах Абай был избран волостным правителем.

Семипалатинск в те годы был местом ссылки политических заключенных. В 1870 году в Семипалатинск были сосланы политические неблагонадежные Е.Михаэлис, И.Долгополов, А.Леонтьев и другие. Абай близко сошелся с ними, общался. Многое он узнал от них, многое понял.

И хотя его друзья были народниками, поэт не воспринял идею народничества.

Писать стихи Абай начал еще с 10 лет, но

так как к поэтам в его среде относились не совсем положительно, будущий хаким выдавал свои стихи за чужие. Впервые Абай подписался как автор под стихотворением "Лето" в 1886 году. Так начался его путь поэта, путь мыслителя. Абай прекрасно знал поэтов и хакимов Востока, читая на персидском, арабском и чагатайском языках Фирдоуси, Низами, Сагди, Хафиза, Навои, Физули и других. Многие произведения Пушкина и Лермонтова перевел на казахский язык.

У него было три жены (Дильда, Айгерим, Еркежан). От первых двух он имел семь сыновей, трех дочерей. У Еркежан детей не было. Трое сыновей, которых он особо отличал, скончались рано. Заболел туберкулезом в годы учебы в Петербурге и в 1895 году умер старший – Абиш (Абдрахман). В 1904 году смерть подстерегла Магаую и Акылбая, которые, как и отец, проявили недюжинные поэтические дарования. Утрата близких, тяжелое положение народа подкосили силы и душевное здоровье Абая и в том же 1904 году поэта не стало. В годовщину его смерти в газете "Семипалатинский листок" вышел некролог Алихана Букейханова, написанный им на русском языке. В нем автор впервые дал биографические сведения об Абае, известив людей о невосполнимой утрате. Большую помощь и поддержку оказал Алихан Бокейханов при издании первого сборника стихов Абая в типографии Броганского в Петербурге.

Научное издание

Гарифолла Есим

ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ ОБ АБАЕ

ИБ № 3432

Подписано в печать 03.04.06. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная.
Печать RISO. Объем 4,75. Тираж 500 экз. Заказ №72.
Издательство "Қазақ университеті"
Казахского национального университета им. аль-Фараби.
050038 г.Алматы, пр аль-Фараби, 71, КазНУ.
Отпечатано в типографии издательства "Қазақ университеті".